

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

ИСТОКИ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
МЕЖДУ КРИЗИСОМ И МОДЕРНИЗАЦИЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО»

Экономическая политика: между кризисом и модернизацией

Д. В. Соколов

**Истоки конфликтов
на Северном Кавказе**

«РАНХиГС»

2015

Соколов Д. В.

Истоки конфликтов на Северном Кавказе / Д. В. Соколов —
«РАНХиГС», 2015 — (Экономическая политика: между кризисом
и модернизацией)

ISBN 978-5-7749-1026-7

С чем в первую очередь ассоциируется Северный Кавказ? К сожалению, не с прекрасной природой, вкусной едой, гостеприимными жителями, а с конфликтами, радикализмом, терроризмом. Что только не объявляют причинами подобной ситуации! И отсталость проживающих там народов, и особый характер горцев, и агрессивность исламской цивилизации. Авторы данной монографии стремятся показать, что дело не в уникальности кавказских социумов, а в особенности переживаемого ими исторического этапа. Этапа слома традиционного общества, активной урбанизации, демографического перехода. А этнические и религиозные конфликты – те формы, в которых выступают свойственные данному этапу противоречия.

ISBN 978-5-7749-1026-7

© Соколов Д. В., 2015

© РАНХиГС, 2015

Содержание

Введение	6
1. Северный Кавказ – факторы конфликтогенности	9
1.1. Демографические факторы конфликтности	11
Естественное движение населения	11
Миграционные процессы	15
Урбанизация	19
1.2. Институциональная структура власти и общества: факторы конфликтности	23
Дисфункция государственных институтов	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Д. В. Соколов, И. В. Стародубровская **Истоки конфликтов на Северном Кавказе**

© ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2013, 2015

Введение

Конфликтность отношений на Северном Кавказе – факт, не требующий особых доказательств. Она очевидна, наглядна, подтверждения этому можно найти чуть ли не ежедневно. В то же время, возможно, именно по причине подобной очевидности серьезный и системный анализ истоков конфликтности в данном регионе найти не так просто. В общественном сознании и популярной литературе укоренился набор расхожих штампов: кавказцы вытесняют русских; горцы – дикие, агрессивные люди; ислам порождает терроризм и т. п. Всплески национализма, нагнетание антикавказских настроений еще более усиливают идеологизацию и политизацию данных вопросов, препятствуют объективному анализу информации и поиску конструктивных решений. Иногда данные процессы затрагивают и исследования по рассматриваемой проблематике.

Между тем в мире не так мало регионов, схожих с Кавказом и по остроте характерных для них противоречий, и по распространенности насильственных методов их разрешения. Соответственно в мировой науке наработан достаточно большой опыт подходов к их анализу. Правда, и здесь нельзя сказать, что все проблемы решены. Используемая в исследованиях информация отрывочна и фрагментарна, теоретические модели часто оторваны от эмпирического материала, применение количественных методов во многих случаях ведет к противоречивым выводам, анализ примеров отдельных стран страдает поверхностностью и описательностью. Нельзя сказать, что полностью удалось уйти от идеологизации: достаточно сравнить результаты анализа проблем терроризма израильскими и палестинскими исследователями. В то же время сформирована определенная культура анализа данных проблем, появляются попытки теоретического осмысления феноменов насилия и слабости государства, накоплена достаточно широкая информационная и аналитическая база, позволяющая вписывать события на Северном Кавказе в более широкий международный контекст. Именно обретение подобного контекста являлось одной из задач настоящего исследования.

В то же время данная работа продолжает линию, намеченную на предыдущих этапах исследования и нашедшую отражение в коллективном труде: «Северный Кавказ: модернизационный вызов»¹. В нем было показано, что Северный Кавказ – не отсталое, застойное общество, а общество на переломе, где идут активные процессы трансформации. Основной акцент был сделан на препятствиях к модернизации (институциональных ловушках), а также ростках очаговой модернизации, так или иначе (хотя и с большими потерями) эти препятствия преодолевающих. Проблематика конфликтов была затронута лишь вскользь. Теперь мы пытаемся посмотреть на те же процессы через другую призму, оценив их роль в порождении, обострении либо разрешении характерных для Северного Кавказа конфликтов.

Как и предшествующие, настоящая работа базируется на результатах широкомасштабных полевых исследований. Там, где не указано иное, используются материалы следующих полевых исследований:

- Соколов Д., Стародубровская И., 2010–2011 гг., Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика;
- Стародубровская И. 2011 г., Республика Татарстан;
- Соколов Д., 2011 г., Ставропольский край 2011, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Северная Осетия – Алания;
- Соколов Д., Капустина Е., Захарова Е., Гуляева Е., Филиппова Е., Иванов Ф., 2011, Ставропольский край.

¹ См.: Стародубровская И. В., Зубаревич Н. В., Соколов Д. В., Интигринова Т. П., Миронова Н. И., Магомедов Х. Г. Северный Кавказ: модернизационный вызов. М.: Дело, 2011.

Очевидно, что конфликты, тем более в насильственных формах, гораздо менее благодатная для полевых исследований тема, чем модернизация. В связи с этим по многим вопросам информация представлена достаточно фрагментарно, примеры единичны. Остается еще значительный резерв для продолжения и углубления темы. Но в то же время исследования этого года в бо льшей мере выявили многомерность и нелинейность вырисовывающейся картины. Сложившиеся представления о происходящих процессах в ходе анализа претерпевали существенную эволюцию, теряя свою однозначность и поворачиваясь неожиданными гранями. Наверное, даже можно сказать, что в конце исследования ответить на вопрос, что такое ваххабизм, оказалось труднее, чем в начале.

Структура работы подчинена ее основополагающей идее – религиозные, этнические и тому подобные факторы и оси размежевания сами по себе рассматриваются не как причины конфликтов, а как формы, в которых выступают многообразные и противоречивые процессы трансформации, идущие в северокавказских регионах. Соответственно, в *первой главе* выделены факторы, влияющие на конфликтный потенциал идущей в северокавказских регионах трансформации. *Последующие три главы* рассматривают основные проблемы, с которыми обычно ассоциируется конфликтность на Северном Кавказе: этнические конфликты, терроризм и радикальный ислам. *Последняя глава* посвящена возможным рекомендациям по корректировке федеральной политики на Северном Кавказе.

Заметим, что разделение проблематики радикального ислама и терроризма – это наш сознательный выбор, точнее, некоторого рода эксперимент. Если рассматривать терроризм как реакцию определенных слоев общества на процессы трансформации в тех специфических формах, в каких они протекают на Северном Кавказе, а религию – как одну из возможных идеологических оболочек, которую по тем или иным причинам берут на вооружение радикалы, то отдельный анализ терроризма и радикального ислама не должен представлять труда. Нам кажется, эксперимент удался, хотя и не без ущерба для целостности картины (в реальной действительности эти два фактора все же сильно переплетены).

Как и в прошлом исследовании, центральное место в настоящей работе занимает Дагестан: и по причине разнообразия исходных условий и процессов трансформации (а тем самым и порождаемых ими конфликтов), и по причине бо льшей открытости данного региона для исследований. В ограниченном объеме продолжилось изучение ситуации в Кабардино-Балкарии. В то же время бо льшее внимание уделено ряду регионов, вообще не фигурировавших ранее или представленных крайне слабо: Карачаево-Черкесии, Ставропольскому краю.

Настоящее исследование никогда бы не было подготовлено, если бы в регионах Северного Кавказа мы не опирались на поддержку тех, кому небезразлично будущее этого края.

В Дагестане огромную организационную работу проделал Хабиб Магомедов. Неоценимой была помощь Магомеда Ахдуханова, Ахмеда Ахмедилова, Али Камалова, Гаджи Габалова из Согратля, Фатимы Гаммадовой из Балхара, Алиасхаба, Магомеда и Мусы Мугумаевых из Орта, которые предоставили кров и со вкусом и знанием показали свое село. Муртузали Нурмагомедов продемонстрировал прекрасное урочище Ахедуни, а Гамзат Дарбишгаджиев был нашим замечательным гидом по Унцукульскому району.

Мы благодарны за поддержку Зубайру Зубайруеву, Зауру Газиеву, Михаилу Чернышову, Нариману Гаджиеву, Абсолютдину Мирзаеву, Янгурчи Аджиеву, Исмаилу Джанхуватову, Залимхану Кочерову и его коллегам из Ногайского района, Рамину Мурадову из Табасаранского района. Неоценимую помощь оказала Эльмира Кожаева. Особо хотелось бы вспомнить Рамазана Наврузалиева, который очень помог нам в Дербенте. Он нелепо погиб весной 2012 г., но навсегда останется в нашей памяти.

Представления о Дагестане были бы гораздо менее полными без взаимодействия с Расулом Кадиевым, Магомедом Магомедомаровым, Заиром Абдулагатовым, беседы с которым еще

более дополнили и углубили впечатления от его интереснейших публикаций. Мы также благодарны Аббасу Кебедову за то, что он нашел время встретиться с нами и поделиться своими взглядами на пути урегулирования конфликтов в республике.

В Ставропольском крае работа не была бы возможной, если бы не Евгений Бондаренко из правительства края, Сергей Андреевич Логвинов из Курской, Юрий Ефимов из Ставрополя, Олег Георгиевич Иванов, глава муниципалитета Эдиссия, атаман Юрий Болдырев и Андрей Баженов из Галюгаевской, Зайнудин Азизов из Степного, Илья Савченко, Рашид Садыков из Иргаклы, Ассам и Анвар из Кара-Тюбе, Хусеин из Тукуй-Мектеба.

В Кабардино-Балкарии исследования состоялись благодаря Ибрагиму Яганову, Узеиру Курданову и Аслану Бешто.

В Карачаево-Черкесии нас поддерживали Олег Аргунов, Алхаз Бидижев из Тиберды, Азрет Караев из «Эльбрусоида», Магомед Кушханов из села Псыж, Белла Джемакулова, Тахир из Ногайского района. Много времени и сил уделила нам Антонина Головина из станицы Исправная.

В Ингушетии исследование было бы гораздо менее содержательным, если бы не помощь коллеги из Санкт-Петербурга Маки Албогачиевой. Магомед и Умар Албогачиевы взяли на себя добровольный труд по организации нашей работы в республике, Башир Льянов встретил в Джейрахском районе, Лейла Арапханова помогала в Назрани. Заурбек Мальсагов дал трезвое представление об экономической ситуации в республике, а Магомед Даурбеков из Малгобека организовал поездку в Тарское.

В Северной Осетии организовали нашу работу руководство пресс-службы президента республики, руководитель аппарата правительства Алан Багиев и Вероника Башкирцева.

В Чечне помогли делом и советом Магомед Алхазуров, Магомед Магомаев, Роза Байсултанова и Тимур Алиев.

1. Северный Кавказ – факторы конфликтогенности

Северный Кавказ – территория, насквозь пронизанная конфликтами. Что порождает подобную ситуацию? Объяснения могут быть самые разные. Это и особый характер населяющих Кавказ горцев, и многонациональный и многоконфессиональный состав населения, и сложная и противоречивая история этой территории, буквально перетасовавшая проживающие на ней народы. Свою лепту вносит и идеология радикального ислама, подъем которой усиливает конфликты не только на Кавказе, но и во всем мусульманском мире. Если исследователи обращаются к экономическим причинам, то обычно говорят о бедности, массовой безработице, депрессивности экономики как источниках конфликтного потенциала в регионе. Не обойдены вниманием и такие негативные явления, как клановость и коррупция. В совокупности все эти факторы представляют стандартный набор, используемый в той или иной конфигурации для анализа проблемы.

Нельзя не признать, что, так или иначе, все эти моменты значимы. Однако исследование требует, с одной стороны, системного рассмотрения проблемы, выявления в максимальной степени исчерпывающего набора факторов, определяющих высокую конфликтность в регионе. С другой стороны, с учетом практической актуальности темы необходимо, чтобы анализ приводил к каким-то практическим рекомендациям, позволяющим улучшить ситуацию в рамках существующих объективных ограничений либо доказывал принципиальную невозможность снижения конфликтогенности в результате сознательных действий властей.

К сожалению, системные исследования истоков конфликтов на Северном Кавказе не получили распространения. Практически ставится вопрос о том, не в какой мере данные конфликты неизбежны, а каким образом возможно их смягчение или даже нейтрализация. Это ограничивает и подходы к практическим предложениям в данной сфере. В большинстве случаев они сводятся к трем основным моментам:

- улучшение экономической ситуации в регионе; создание рабочих мест (на это, собственно, направлена Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.);
- борьба с клановостью и коррупцией;
- усиление идеологической работы с молодежью.

Однако при упрощенном понимании факторов, лежащих в основе существующих конфликтов и способных породить новые, эти меры не обязательно будут позитивно воздействовать на нормализацию ситуации. Более того, они сами могут провоцировать обострение ситуации и углубление конфликтов.

Немаловажным ограничителем анализа конфликтов на Северном Кавказе выступает представление о регионе как депрессивном, застойном, архаичном. Конфликты в устойчивых и динамично меняющихся обществах носят существенно различный характер, разрешаются в различных формах и предъявляют абсолютно различные требования к политике властей. Доказательствам того, что Северный Кавказ относится именно к последнему типу обществ и традиционные представления в данной сфере во многом являются иллюзией, посвящена значительная часть работы «Северный Кавказ – модернизационный вызов», содержащей результаты наших предшествующих исследований данного региона. На Северном Кавказе происходят масштабные демографические, экономические, социальные сдвиги, позволяющие характеризовать социумы в северокавказских республиках как общества на переломе. Под воздействием краха советской системы и усиления процессов глобализации происходит размывание традиционных обществ, разрушение сложившихся регуляторов человеческих отношений.

Подобные процессы чрезвычайно травматичны для любых социумов. Как отмечают исследователи, «...даже западные народы пережили преобразование общества как болезненный процесс. Они пережили почти четыреста лет политических и часто кровавых революций, господство террора, геноцида, ужасные религиозные войны, разграбление деревни, обширные социальные перевороты, эксплуатацию на фабриках, духовную немощь и глубокое одиночество в новых городах-гигантах. Сегодня мы видим такое же насилие, жестокость, революции и потерю ориентиров в развивающихся странах, которые переживают еще более трудный процесс перехода к современному обществу»². Представляется, что аналогичные процессы составляют базу столь высокой конфликтности на Северном Кавказе, именно они придают столь явную остроту старым и порождают новые противоречия и трения. Через призму подобной динамики и будет происходить анализ истоков конфликтов на Северном Кавказе.

² Армстронг К. Ислам: краткая история от начала до наших дней. М.: Эксмо, 2011. С. 197–198.

1.1. Демографические факторы конфликтности

Демографические факторы во многом формируют тот фон, на котором разворачиваются конфликты на Северном Кавказе.

Естественное движение населения

Одним из важнейших факторов здесь выступают высокие темпы роста населения, которые объективно усиливают конкуренцию за жизненное пространство, рабочие места, ресурсы. Роль данного фактора в человеческой истории подверглась достаточно серьезному научному анализу. Так, исследователи традиционных обществ обращают внимание на то, что в условиях недостаточной гибкости социальных и политических институтов всплески рождаемости обычно приводят к социальным катаклизмам, поскольку возросшее население не находит адекватных ресурсов для удовлетворения своих потребностей. В результате усиливающейся конкуренции между работниками падают заработки, увеличение крестьянского населения приводит к нерациональному дроблению земельных участков. Среди элиты усиливается соперничество за государственные должности. Новые очаги недовольства возникают в быстрорастущих городах, особенно этому способствуют демографические сдвиги, увеличивающие долю молодого населения. Однако недостаточность ресурсов сама по себе оказывается регулятором численности: в результате ухудшения жизненных условий растет смертность; возросшие масштабы насилия приводят к убыли населения как итогу войн и восстаний; падает рождаемость, и исходный баланс восстанавливается, давая толчок новому циклу³.

Улучшение здравоохранения, повышение гигиенических стандартов и общий рост уровня жизни с развитием общества приводят к снижению показателей смертности и прекращению автоматического регулирования численности населения за счет естественных факторов. Постепенно рождаемость также адаптируется к этим изменениям, показатели рождаемости снижаются. Однако тот период в истории любой страны, когда смертность уже снизилась, а рождаемость еще не упала, создает наиболее существенный конфликтный потенциал за счет демографических факторов. В этих условиях воспроизводится первая часть рассмотренного выше цикла – рост конкуренции вследствие увеличения населения. Однако вторая его часть – восстановление равновесия – не реализуется. И здесь негативное влияние может оказывать как отсутствие экономического роста, так и быстрый экономический рост, неизбежно сопровождаемый активными структурными сдвигами.

Так, в предреволюционном Иране численность населения, несмотря на пропаганду контроля рождаемости, с 1956 по 1976 г. выросла более чем на три четверти (с 18 955 тыс. до 33491 тыс. человек), накануне революции почти половина населения составляла молодежь в возрасте до 16 лет⁴. При этом в предреволюционные десятилетия Иран развивался чрезвычайно высокими темпами: 8 % в год – в 1962–1970 гг.; 14 % – в 1972–1973; 30 % – в 1973–1974⁵. Однако это не только не позволило предотвратить нарастание конфликтов в стране, но и усилило конфликтный потенциал за счет активных социальных сдвигов (доля городского населения за 25 лет увеличилась с 28 до 47 %, за 20 лет доля крестьян и сельскохозяйственных рабочих в общей численности занятых уменьшилась с 60 до почти 30 %⁶).

³ См: Goldstone J. A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkley, CA: University of California Press, 1991.

⁴ Abrahamian E. *A history of Modern Iran*. Cambridge University Press, NY., 2008, p. 134.

⁵ McDaniel T. *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran*. Princenton University Press, NJ.: Princenton University Press, 1991, p.82.

⁶ McDaniel T. *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran*. Princenton University Press, NJ.: Princenton University Press, 1991, p. 131.

На Северном Кавказе на протяжении достаточно длительного времени наблюдалась несколько другая картина: снижение смертности не сопровождалось существенным падением рождаемости⁷; отсутствовал активный экономический рост, что препятствовало появлению новых возможностей и ресурсов, которые могли бы смягчить демографическое давление; но при этом осуществлялись структурные социальные сдвиги, связанные, в частности, с продолжающейся урбанизацией. Последствия данных процессов наиболее остро стали проявляться в послесоветские десятилетия. Конкуренция во многом переместилась с предметов первой необходимости на удовлетворение потребностей более высокого порядка, однако при этом ее конфликтный потенциал сохранился⁸.

В то же время подобное промежуточное положение в рамках демографического перехода не может существовать неопределенно долго. На настоящий момент рождаемость в большинстве северокавказских республик хотя и превышает среднероссийский показатель не выходит за рамки простого воспроизводства населения. Исключение составляет Чеченская Республика, но в данном случае сохраняется вопрос об адекватности исходной информации. Еще более показательна динамика рождаемости сельского населения. Несмотря на меры государственной политики, направленные на обеспечение прироста населения, за исключением Чечни и Дагестана показатели рождаемости в селе также держатся на уровне простого воспроизводства (2 ребенка и менее). При этом их падение в постсоветский период в ряде республик носило драматический характер. Так, с 1990 по 2006 г. суммарный коэффициент рождаемости в Республике Дагестан снизился более чем на 40 %, в Кабардино-Балкарии – более чем в два раза. Некоторое повышение рождаемости в последующий период принципиально не изменило картину⁹ (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1

Суммарный коэффициент рождаемости по республикам Северного Кавказа за 1990–2009 гг.

⁷ В советское время население на Северном Кавказе росло достаточно высокими темпами. Так, если численность населения СССР с 1940 по 1987 г. увеличилась примерно на 45 %, то по Северо-Кавказскому району аналогичный показатель составил 57 % как за счет естественного прироста, так и миграционной привлекательности региона (Экономическая география СССР. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ. С. 80). С учетом того, что в данный район были включены Ростовская область, а также Краснодарский и Ставропольский края, можно предположить, что в национальных республиках показатели были еще выше.

⁸ Подобная конкуренция и связанный с ней потенциал насилия очень хорошо ощущаются среди молодежи в сообществах с сохранением высокой рождаемости: «У нас никто вторым быть не хочет, поэтому стреляют много».

⁹ При этом заметим, что падение рождаемости влияет на снижение конкуренции между индивидами за ресурсы и статусы и связанного с ней потенциала насилия с достаточно существенным временным лагом, который можно оценить минимум в 15–20 лет. Чтобы изменения демографических показателей стали оказывать ощутимое влияние на социальную ситуацию, новые, не столь многочисленные поколения должны войти в сознательный возраст.

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Все население																				
Чеченская Республика	2,8	2,7	2,5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3,0	2,9	2,8	3,1	3,4	3,4
Республика Ингушетия	-	-	-	-	-	2,7	2,3	2,3	2,3	2,4	2,5	2,2	1,9	1,7	1,6	1,5	1,7	1,8	2,0	2,0
Республика Дагестан	3,1	2,9	2,7	2,5	2,5	2,4	2,2	2,1	2,1	1,9	1,8	1,8	1,9	1,8	1,8	1,7	1,6	1,8	1,9	2,0
Северная Осетия – Алания	2,2	2,1	1,9	1,7	1,8	1,8	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,8	1,8	1,8
Карачаево-Черкесская Республика	2,2	2,2	2,1	1,7	1,8	1,7	1,6	1,5	1,5	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,5	1,4	1,7	1,8	1,7
Кабардино-Балкарская Республика	2,5	2,4	2,2	1,9	1,8	1,7	1,6	1,5	1,4	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2	1,1	1,2	1,4	1,5	1,5
Ставропольский край	2,1	2,0	1,9	1,6	1,6	1,5	1,4	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,3	1,4	1,4
Российская Федерация	1,9	1,7	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3	1,2	1,2	1,1	1,1	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,4	1,5	1,5
Городское население																				
Чеченская Республика	2,2	2,3	2,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4,0	4,0	3,2	3,5	3,5	3,3
Республика Ингушетия	-	-	-	-	-	2,3	2,3	2,2	2,0	2,2	2,5	2,2	1,8	1,8	1,7	1,6	1,7	1,8	2,0	1,9
Республика Дагестан	2,6	2,4	2,1	1,8	1,8	1,7	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3	1,4	1,6	1,6

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Северная Осетия – Алания	2,2	2,1	1,8	1,6	1,7	1,7	1,5	1,4	1,4	1,4	1,3	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,7	1,7	1,8
Карачаево-Черкесская Республика	1,9	1,9	1,7	1,4	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,2	1,3	1,3	1,3	1,4	1,3	1,3	1,2	1,4	1,5	1,5
Кабардино-Балкарская Республика	2,0	1,9	1,7	1,4	1,4	1,3	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,1	1,3	1,3
Ставропольский край	1,7	1,6	1,5	1,3	1,4	1,3	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1	1,1	1,2	1,2	1,1	1,1	1,2	1,3	1,3
Российская Федерация	1,7	1,5	1,4	1,2	1,2	1,2	1,1	1,1	1,1	1,0	1,1	1,1	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	1,4	1,4
Сельское население																				
Чеченская Республика	3,3	3,0	2,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2,4	2,3	2,6	2,9	3,3	3,4
Республика Ингушетия	-	-	-	-	-	3,0	2,3	2,4	2,6	2,6	2,4	2,2	2,0	1,7	1,5	1,5	1,6	1,7	2,0	2,0
Республика Дагестан	3,5	3,4	3,2	3,0	3,0	2,9	2,7	2,6	2,5	2,3	2,2	2,1	2,2	2,2	2,1	2,1	2,0	2,2	2,3	2,3
Северная Осетия – Алания	2,3	2,0	2,0	1,8	2,0	2,0	1,9	1,8	1,8	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,4	1,3	1,4	1,9	2,0	2,0
Карачаево-Черкесская Республика	2,5	2,5	2,5	2,0	2,1	2,1	1,8	1,7	1,7	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6	1,6	2,0	2,1	2,0
Кабардино-Балкарская Республика	3,1	3,1	2,8	2,5	2,4	2,2	2,1	2,0	1,9	1,7	1,6	1,5	1,5	1,5	1,5	1,4	1,5	1,9	1,8	1,8
Ставропольский край	2,6	2,5	2,3	1,9	1,9	1,8	1,6	1,6	1,6	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,3	1,4	1,4	1,6	1,7	1,7
Российская Федерация	2,6	2,4	2,2	1,9	1,9	1,8	1,7	1,6	1,6	1,5	1,6	1,6	1,6	1,7	1,7	1,6	1,6	1,8	1,9	1,9

Источник: Росстат.

Таблица 1.2

Темпы роста численности населения по Республикам Северного Кавказа

	1989/1959	1999/1989*	2009/1999	2010/2009	2009/1959	2009/1989*
Республика Ингушетия	–	1,60	1,68	1,02	–	2,69
Республика Дагестан	1,70	1,33	1,13	1,01	2,55	1,50
Кабардино-Балкарская Республика	1,81	1,15	1,02	1,00	2,12	1,17
Чеченская Республика	–	1,05	1,07	1,02	–	1,13
Ставропольский край	1,52	1,12	0,99	1,00	1,69	1,11
Северная Осетия – Алания	1,41	1,08	1,03	1,00	1,56	1,11
Карачаево-Черкесская Республика	1,47	1,06	0,97	1,00	1,50	1,02
Российская Федерация	1,25	1,00	0,96	1,00	1,21	0,96
Чечено-Ингушская АССР	1,80	–	–	–	–	–

* Чеченская Республика и Республика Ингушетия – данные за 1990 г.

Источник: Росстат.

Данные тенденции позволяют многим исследователям вполне справедливо ставить под вопрос адекватность статистического измерения роста численности населения в северокавказских республиках (см. табл. 1.2), особенно в Дагестане, Ингушетии и Чечне¹⁰. Однако тут необходимо учитывать и обратную закономерность. Если рождаемость регистрируется адекватно, а численность населения завышена, искусственно увеличивается знаменатель при расчете коэффициентов рождаемости и значение показателя становится меньше. Таким образом, можно предположить, что представленная статистика рождаемости несколько преуменьшает реальные величины. Тем не менее это не меняет принципиально общей тенденции – Северный Кавказ приближается к завершению демографического перехода, и при смене поколений фактор высокой рождаемости не должен играть столь важную роль в провоцировании конфликтов, какую он играет сейчас.

Однако представленные данные не позволяют сделать выводы о внутрирегиональных различиях в воспроизводстве населения. То, что подобные различия существуют, подтверждается как мнением демографов¹¹, так и нашими собственными полевыми исследованиями. Причем они могут носить многоуровневый характер: различается демографическое поведение городского и сельского населения, отдельных этносов, различных территорий в рамках одного этноса, иногда – соседних сел. Так, в Дагестане рождаемость на 1000 человек населения по сельским районам дифференцируется более чем в два раза, при этом стабильно высокая рождаемость сохраняется в отдаленных аварских горных районах – Цунтинском, Цумадинском, Тлярятинском, в одном из горных районов Южного Дагестана – Табасаранском, а также в трех равнинных районах – Карабудахкентском, Хасавюртовском (где много переселенцев из Цумадинского района) и Новолакском¹². В Карачаево-Черкесии разрыв в рождаемости между районами существенно меньше, во второй половине 2000-х гг. он составлял примерно 30 %. Относительно более высокой рождаемостью отличаются такие районы, как Усть-Джегутинский, Карачаевский, Малокарачаевский, а также Прикубанский. Часть этих районов – карачаевские, часть – со смешанным населением, где карачаевцы соседствуют с этническими группами, завершившими демографический переход (русскими, абазинами и т. п.). Это значит, что рождаемость у карачаевцев в указанных районах должна быть еще выше. С этими

¹⁰ См., например: *Зубаревич Н.* Лукавые цифры на карте родины // Эко. Сибирское отделение РАН. 2012. № 4.

¹¹ Как отмечают, например, дагестанские демографы, «самые высокие показатели естественного прироста характерны для таких коренных дагестанских национальностей, как табасаранцы, аварцы, даргинцы, рутульцы, цахуры, кумыки» (*Эльдаров Э. М.* Динамика системы населения Дагестана в постсоветский период // Демографія, кн. IV, Белград, Республика Сербия, 2007, с. 271. <http://www.gef.bg.ac.rs/img/upload/files/Rad%2021.pdf>. В селении Гимры Унцукульского района, по имеющейся информации, суммарный коэффициент рождаемости составляет 4,7.

¹² Рассчитано по статистическому сборнику «Демографический ежегодник Дагестана», 2010, таблица 2.3.

районами по данному показателю вполне сопоставимы сельские черкесские районы – Хабезский и Адыге-Хабльский¹³.

Фактор дифференциации стадий демографического перехода также играет немаловажную роль в провоцировании конфликтов. Можно выделить два аспекта данной проблемы.

Во-первых, сохранение высоких темпов воспроизводства населения консервирует связанные с этим факторы конфликтогенности хотя бы у некоторых этнических, конфессиональных либо других групп на Северном Кавказе. Это означает, что усиление конкуренции за «жизненное пространство» и ресурсы будет провоцировать эти сообщества к территориальной и ресурсной экспансии.

Во-вторых, здесь играет роль и различие системы ценностей обществ, завершивших и не завершивших демографический переход. Так, на ранних стадиях демографического перехода более ценной считается жизнь матери¹⁴, в дальнейшем повышается ценность жизни детей. Тем самым сообщества, прошедшие демографический переход, уже не столь готовы терять молодежь в насильственных столкновениях¹⁵. В то же время позиция «еще нарожаем», сохраняющаяся у некоторых горских сообществ с большим количеством детей в семье, во многом предопределяет их более агрессивное поведение.

Миграционные процессы

Наряду с процессами естественного прироста населения важнейшим фактором, формирующим конфликтный потенциал на Северном Кавказе, является миграция. Население Северного Кавказа достаточно мобильно, что связано и с традициями отходничества (выезда на заработки в другие регионы), развивавшимися в досоветское и в советское время; и с экономическими и социальными изменениями, происходившими в советский период; и с глубиной и продолжительностью постсоветского трансформационного кризиса. Наиболее распространенными миграционными стратегиями людей являются:

- миграция с гор на равнину;
- миграция из села в город (урбанизация);
- миграция из республик Северного Кавказа в другие регионы.

Конфликтный потенциал миграции с гор на равнину связан с тем, что на один и тот же ресурс, в первую очередь земельный, начинают претендовать различные сообщества – «коренные» и «пришлые». Миграционные процессы горцев на равнину начались еще в XVIII в., и уже во второй половине 1920-х гг. население горных районов Северной Осетии составляло только 14 % от его общей численности, тогда же ⁵/₆ ингушей обосновались на равнине¹⁶. В то же время

¹³ Рассчитано по статистическому сборнику Карачаево-Черкесская Республика, 2011, таблица 1.5.

¹⁴ Так, по информации Н. Зубаревич, в Азербайджане в ходе социологического опроса респондентам был задан вопрос: «Если вы плывете в лодке с женой и ребенком и лодка перевернулась, кого вы будете спасать первым?». В условиях незавершенности демографического перехода респонденты говорили, что вначале будут спасать мать, детей она еще родит. Знаменательно, что в Чечне, где рождаемость достаточно высока, жену принято называть «мать моих детей».

¹⁵ Косвенным подтверждением этого тезиса являются также наблюдения Георгия Дерлугьяна об участниках локальных конфликтов на Кавказе: «...даже фрагментарные данные о происхождении боевиков, воевавших не только в Чечне, но и в Нагорном Карабахе и Абхазии, свидетельствуют о непропорционально большом числе выходцев из семей, насчитывавших трое и более сыновей. <...> Разумеется, среди воевавших можно было увидеть и единственных сыновей, однако в основном это были идеалистически настроенные студенты. <...> В ходе бесед с бывшими добровольцами выяснилось еще одно показательное обстоятельство: среди них оказалось на удивление много сыновей из больших семей, где было четверо и более детей» (Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миротрансформационной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. С. 21, 429).

¹⁶ См.: Карпов Ю. Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 405. При этом необходимо учитывать, что даже если основная волна движе-

в Дагестане, где горы занимают 56 % территории республики, данный процесс стартовал значительно позже и происходил гораздо более сложно. В середине 1920-х гг. горцы составляли лишь 2 % населения равнинных территорий Дагестана. С этого момента примерно по 1970-е гг. переселение с гор на равнину носило плановый характер и далеко не всегда было добровольным. По имеющимся оценкам, оно охватило до 20 % населения республики¹⁷. Однако «...плановое переселение горцев... начало сворачиваться к концу 1970-х и в первой половине 1980-х гг. (центральные и южные районы равнинной зоны республики к этому времени перестали быть трудодефицитными и, наоборот, становились трудоизбыточными). Зато тогда же набрало изрядную силу неорганизованное переселение, главным образом молодых людей...»¹⁸. Миграция на равнину в Дагестане интенсивно продолжалась и в постсоветский период. Динамику процесса можно проследить по составу населения в равнинных районах республики. Так, к началу 1980-х гг. аварцы (наиболее многочисленный горный народ Дагестана) составляли $\frac{2}{3}$ населения Кизилюртовского и $\frac{1}{3}$ населения Хасавюртовского района, а к концу XX в. – уже 80 % жителей Кизилюртовского и более 38 % – Хасавюртовского района¹⁹.

Еще в советское время политика поддержки переселения с гор порождала конфликтный потенциал, вызывая недовольство равнинных народов. «Благоприятные условия, созданные для горцев-переселенцев: выделение нередко значительно бо льших, чем у жителей кумыкских аулов, земельных участков, льготы налогообложения, сохранявшиеся за переселенцами на протяжении десятилетий, а также переселение кумыков из пригородов Махачкалы в Хасавюртовский р-н на место депортированных чеченцев при одновременном заселении освобожденных ими территорий горцами и др. – вызвали обоснованное недовольство кумыкской общестственности»²⁰. В то же время у горцев в этой истории своя правда: «Там что было? Земля была. Там сотни, тысячи человек умирали тогда. Там же один камыш был, болота. Дренажи завозили, сушили эти земли и восстанавливали. Насильно загнали с Бежтинского, с Чародинского, с Тлярятинского, с Унцукульского, с Гумбетовского районов, тогда, при советской власти, при Советском Союзе. Насильно загнали людей туда, на поле. А сейчас там нормальное хозяйство стало, земля плодородной стала, а сейчас уже кумык там хозяин. <...> Там же раньше транспорта не было, на арбах ездили, туда спускались. Заставляли, короче, людей пахать эти земли. А техники же тоже не было, чтобы дренаж делать, вручную делали дренаж, чтобы высушить это болото».

В постсоветское время можно выделить два направления политики, воздействующей на процессы переселения в Дагестане. С одной стороны имела место попытка повлиять на закрепление горцев в местах их исконного проживания, улучшая имеющуюся там инфраструктуру (дагестанская программа «Горы»), которая вполне предсказуемо оказалась неудачной. С другой стороны продолжалась фактическая государственная поддержка процесса переселения, выразившаяся в закреплении за горными районами так называемых «земель отгонного животноводства» (Закон РД от 09.10.1996 г. № 18 «О статусе земель отгонного животноводства в Республике Дагестан») фактически в советских границах, отсутствии контроля за их целевым

ния горцев на равнину осталась в прошлом, во многом схожие конфликты могут провоцироваться различными стадиями демографического перехода горных и равнинных народов, о чем говорилось выше. Так, именно подобного рода конфликты, судя по всему, характеризуют взаимодействие карачаевского и русского населения в исконно русских казачьих станицах Карачаево-Черкесии и во многом имеют своим результатом вытеснение русского населения из этих населенных пунктов (в некоторых подобных станицах продается подавляющее число домов в «русской» части селения).

¹⁷ См.: Карнов Ю. Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину. С. 418.

¹⁸ См.: Карнов Ю. Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину. С. 98–99.

¹⁹ См.: Карнов Ю. Ю. Кутаны в Дагестане: объекты хозяйственной деятельности, фактор этнополитической напряженности // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 96. <http://kumikia.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=9S33>.

²⁰ См.: Карнов Ю. Ю. Кутаны в Дагестане: объекты хозяйственной деятельности, фактор этнополитической напряженности // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 100.

использованием как земель сельскохозяйственного назначения, тенденции к легализации возникающих на этих территориях незаконных населенных пунктов²¹, фактическом сохранении многих из существовавших прежде льгот и привилегий (в первую очередь путем приравнивания переселившихся с гор жителей равнины к жителям гор)²².

В результате земли отгонного животноводства существуют на настоящее время в 17 районах Республики Дагестан, в том числе в Бабаюртовском и Кумторкалинском районах они занимают почти 70 % земель (на территории первого располагаются отгонные земли 23 районов, на территории второго – 8 районов, на территории обоих районов выделены земли г. Махачкале); в Ногайском районе – 63 % (отгонные земли 23 районов и ряда организаций). Очевидно, именно в этих районах конфликтный потенциал проявляется наиболее открыто. По имеющимся оценкам на этих землях находятся около 200 незарегистрированных населенных пунктов, 11 из которых получили официальный статус муниципальных образований. Использование земель фактически не контролируется, в условиях существенного снижения масштабов отгонного животноводства оно во многом перепрофилируется на растениеводство и круглогодичное содержание скота. По информации наших собеседников в Республике Дагестан (представителей равнинных народов) на этих территориях имеет место фактическое присвоение земли отдельными представителями дагестанской элиты, хищническое использование земель в одних случаях и их недоиспользование – в других. Многие равнинные населенные пункты не имеют земель для нового строительства, для выпаса скота. Подобного рода конфликты во многом формируют социальный ландшафт Республики Дагестан и время от времени принимают насильственный характер.

Миграция с Северного Кавказа в другие регионы также была характерна и для советского периода²³. Отходничество как временный отъезд с постоянного места жительства на заработки продолжало развиваться в советское время, закладывая основу для более устойчивых миграционных процессов. Так, в 1970–1980 гг. отходники работали на государственных предприятиях, в колхозах и совхозах (на местных кирпичных заводах, строительстве бараков и хлевов, уборке урожая и выкорме бычков, строительстве домов для колхозников), в строительстве. В тот же период зародилась практика работы вахтовым методом в нефтегазовом секторе Сибири²⁴. Уже тогда временный отъезд мог трансформироваться в постоянный: «зачастую, уходя на работу на завод, люди постепенно переезжали на новое место насовсем, получали квартиру»²⁵.

Данная форма миграции существенно активизировалась после распада СССР. Люди уезжали от экономических неурядиц, национального и религиозного преследования, физической незащищенности и военных конфликтов. Наиболее ярко освещались процессы выезда из региона русского населения. Однако, например, по Республике Дагестан оценки миграции коренного населения демонстрируют сопоставимые с русским населением масштабы²⁶. При этом эксперты оценивают реальные масштабы миграции как существенно превышающие официально фиксируемые значения. «Незарегистрированный поток мигрантов больше зарегистрированного»²⁷.

²¹ По имеющейся информации число подобных населенных пунктов за последние 20 лет фактически удвоилось: если в начале 1990-х гг. имеется информация о примерно 100 подобных поселениях, то сейчас называется цифра 200.

²² О связи проблематики земель отгонного животноводства с процессами переселения горцев на равнину см. также: Северный Кавказ: модернизационный вызов. Параграф 3.3.

²³ Например, по имеющейся информации «в 1959 г. за пределами Дагестана на территории СССР проживал 21 % от его титульных этносов» (Эльдаров Э. М. Динамика системы населения Дагестана в постсоветский период. С. 275).

²⁴ Канустина Е. Л. Отходничество в Нагорном Дагестане как социальное и экономическое явление (конец XIX – начало XXI века) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. С. 369–370.

²⁵ Канустина Е. Л. Отходничество в Нагорном Дагестане как социальное и экономическое явление (конец XIX – начало XXI века) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. С. 369.

²⁶ См.: Эльдаров Э. М. Динамика системы населения Дагестана в постсоветский период. С. 275.

²⁷ Мудуев Ш. С. Особенности миграционных процессов в Дагестане // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в

К основным направлениям выезда коренного населения из национальных республик Северного Кавказа можно отнести:

- крупные российские города (в первую очередь это Москва и Санкт-Петербург);
- северные территории, где ведется нефтедобыча;
- южные сельскохозяйственные территории за пределами национальных республик.

Миграция за пределы северокавказских республик одновременно и снижает конфликтный потенциал, уменьшая демографическое давление внутри региона, и сама служит источником дополнительных конфликтов. Мигранты с Северного Кавказа попадают в новую для себя институциональную среду, лишенную сдерживающих механизмов традиционного общества, но чуждую им по своему характеру. В этой среде часто больше экономических возможностей, но и более острая конкуренция за рабочие места. Причем, с одной стороны, эта конкуренция строится на других, непривычных для выходцев с Кавказа основах, значительную роль, особенно на квалифицированных работах, играют не личные связи, а более деперсонифицированные характеристики²⁸. С другой стороны, конкуренция также не является справедливой, поскольку дискриминация при приеме на работу «лиц кавказской национальности» носит достаточно массовый характер, сохраняются, хотя уже и на другой (национальной) основе, ограничения вертикальных лифтов, а также коррупция при приеме на работу.

Экономический кризис и рост антикавказских настроений привели к изменению баланса между позитивными и негативными последствиями миграции за пределы региона с точки зрения факторов конфликтогенности. Мигрантам с Северного Кавказа все сложнее вписаться в сообщества в других российских регионах. Все больше мигрантов возвращается на родину как по экономическим причинам, так и по соображениям личной безопасности. Невозможность реализовать выбранную жизненную стратегию, обеспечить «вертикальную мобильность» наравне с представителями других национальностей в рамках общероссийского пространства является существенным фактором, способным провоцировать конфликты. Те, кто вынужден вернуться, транслируют данный конфликтный потенциал, реально порожденный на других территориях, обратно на Северный Кавказ²⁹. Тем самым привнесенный конфликт может играть все большую роль внутри региона. В то же время ограничение стратегий миграции, позволяющих смягчить социальные последствия демографического роста, будет обострять конкуренцию за рабочие места на самом Северном Кавказе, и это будет усиливать внутренний конфликтный потенциал. Таким образом, антикавказская истерия вне региона может рикошетом существенно ухудшить ситуацию внутри него.

полиэтническом Кавказском регионе. М.; Ставрополь, 2003. http://migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz040.php.

²⁸ В то же время есть примеры, когда, не найдя применения у себя на родине, молодые ребята вполне успешно устраиваются вне ее: «Я единственный был ногаец, который работает в таможене. <...> Пришел вопрос о сокращении, естественно, меня сократили. <...> Здесь я никому не нужен был. В минераловодской таможене меня приняли сами „на ура“, причем приняли на хорошее место. <...> То есть в конкурентной обстановке у меня получилось нормально работать, и нормально я там и уважение заработал, и ребята полностью очень хорошо относились». «Здесь надо покинуть республику, чтобы как-то работать. Я в Пятигорске работаю». Любопытно, что представители ногайского населения связывают бо льшую успешность их выходцев в других российских регионах и меньшую – на своей родине с бо льшей распространенностью у их народа принципов индивидуализма: «И есть ребята, которые очень хорошо себя чувствуют в России, и которые не могут найти себе здесь применение, в разных сферах. <...> ребята молодые <...>, которые очень авторитетные на территории России, которые приезжают сюда летом, просто, и очень много вопросов могут порешать здесь, что никто не может с ними тягаться. <...> Все идет диаспорами, кто-то пробивается, идут. У нас каждый лично. Каждый, который добился, он настолько стоит прочно на ногах, что его снять невозможно. У нас каждый добивается сам. Это удивительно. Просто другие народы, здесь, в быту, они с нами конкуренции не выдерживают, сколько раз по конкуренции они с нами проигрывают. А получают выше нас, потому что у них есть элита, взращенная в советское время в коридорах Кремля, которая до сих пор... Вот и все. У нас нет элиты вот этой...».

²⁹ «Молодежь, которая у нас работала, на 90 % уехала... Но они приезжают [с севера] уже с другими понятиями: „Ты знаешь, брат, ты неправильно живешь...“. Нас государство задавило, а там им объяснили, что это надо против России воевать. <...> Они не в лесу там где-то были, они были на севере, на заработках...».

Урбанизация

Хотя урбанизация также является разновидностью миграции, а именно миграцией из села в город, ее особая значимость и в происходящих на Северном Кавказе трансформационных процессах, и в формировании конфликтного потенциала на данных территориях заставляет рассмотреть ее более подробно.

Миграция в города на Северном Кавказе имеет достаточно долгую историю. Характеризуя процессы, происходящие в Северо-Кавказском районе, авторы учебника «Экономическая география СССР» отмечали: «Внутри самого района миграционные потоки идут из сельских мест в города»³⁰. Так, в Дагестане «в 1950-х – начале 1990-х гг. наиболее характерными и значительными были миграции населения из сельской местности в города, особенно из глубинных и отдаленных горных сел и станиц»³¹. Доля городского населения в Дагестане выросла с 11,4 % в 1926 г. до 42,7 % в 1989 г.³². В северокавказские города в советское время переселялись не только жители сел. Туда ехали мигранты из других российских регионов. «В период индустриализации и культурной революции в Советской России происходили массовые миграции молодых русских в южные национальные окраины страны...»³³. Однако при этом уровень урбанизации на северокавказских территориях в советское время был существенно дифференцирован. Если в Ростовской области и в Северной Осетии доля городского населения в позднесоветский период составляла 71,4 % населения, то в Чечено-Ингушетии и Дагестане – соответственно 42,8 и 43,5 %³⁴.

В постсоветский период процессы урбанизации претерпели драматические перемены. К основным характеристикам данных процессов можно отнести:

- существенный отток из городов русского, а также местного образованного населения в 1990-е гг., замещение его «новыми кавказцами», часто с криминальным прошлым;
- массовое получение высшего образования в городах выходцами с сельских территорий с закреплением значительной их части в городе на постоянное место жительства;
- приток сельских мигрантов в город с целью получения работы;
- покупка в городах недвижимости обеспеченными сельскими жителями как способ сохранения сбережений и демонстративного потребления, а также как база для последующей миграции;
- активное развитие пригородов и формирование городских агломераций, особенно в регионах с ограниченной транспортной доступностью крупного города.

В первую очередь данные процессы были характерны для региональных столиц³⁵.

Конфликты, обусловливаемые процессом урбанизации, определяются постоянной борьбой двух связанных с ним тенденций: «село переваривает город» и «город переваривает село».

С одной стороны, городская культура в северокавказских республиках оказалась очень уязвима. Изначально небольшие размеры многих городов; деградация в постсоветский период видов деятельности, требующих высокой квалификации; отток образованной городской элиты привели к тому, что порождаемые городской средой модернизационные тенденции – индиви-

³⁰ Экономическая география СССР. С. 80.

³¹ Мудуев Ш. С. Особенности миграционных процессов в Дагестане.

³² Эльдаров Э. М. Динамика системы населения Дагестана в постсоветский период. С. 286.

³³ Эльдаров Э. М. Динамика системы населения Дагестана в постсоветский период. С. 275.

³⁴ Экономическая география СССР. С. 80.

³⁵ Один из наших собеседников эмоционально описывал непреодолимый тренд урбанизации: «Почему Махачкала задыхается? Она умирает. Тут не Амиров [мэр Махачкалы] виноват, не президент, не ЖКХ виновато. Потому что все стремятся в эту Махачкалу. <...> Отсюда с Дербента многие в Махачкалу стремятся уехать».

дуализм, конкурентность в занятии должностей, многообразие социальных связей, возможности вертикальных лифтов в соответствии со способностями и талантами – на Северном Кавказе проявляются в еще меньшей степени, чем на остальной территории страны. Опрос студентов в Дагестанском государственном университете (г. Махачкала) показал, что более 40 % опрошенных считает основным способом трудоустройства связи, еще почти 15 % – связи и взятки. Связи наряду с теми или иными показателями спроса и предложения на рынке труда отметили еще примерно 23 % опрошенных. Данные, полученные в Кабардино-Балкарском государственном университете (г. Нальчик) принципиально не отличаются от дагестанских: соответственно 36,5 %, 13,6 %, 19 %³⁶. Достаточно яркую характеристику ситуации во Владикавказе дает респондент ингушской национальности: «Вариантов работать во Владикавказе практически нет. Есть, если у тебя мать осетинка или отец... Если у тебя хорошие связи, знакомые за тебя горой будут стоять. Или если ты очень хороший специалист. Такой специалист, что в Осетии не найти. Такого они, конечно, будут оберегать, таких они к себе будут подтягивать. А так – нет».

В этих условиях массовое получение высшего образования северокавказской молодежью создает завышенные ожидания, которым во многом не суждено сбыться. Ограниченность спроса на высококвалифицированную рабочую силу консервирует возможность максимально широкого использования личных связей при устройстве на работу. В то же время качество высшего образования в северокавказских вузах далеко не всегда соответствует требованиям работодателей. Разрыв между ожиданиями и действительностью порождает потенциал для конфликтов. Молодым людям часто приходится либо возвращаться к себе в село, где образование вообще оказывается ненужным, либо выезжать за пределы республик, где, как уже упоминалось выше, их поджидают свои конфликты и разочарования³⁷.

С другой стороны, городская среда существенно отличается от сельского социума, привычного для негородской молодежи. Рассмотрим институциональное воздействие города на выходцев из села на примере Махачкалы.

Потоки сельских мигрантов, приезжающих в Махачкалу на постоянное жительство, на учебу, на заработки приносят с собой элементы сельской традиционной культуры: стремятся селиться компактно, заключать браки «среди своих», иметь свою мечеть, монополизировать определенные виды деятельности, обеспечивать «вертикальные лифты» через членов своего тухума³⁸ или односельчан, сохранять контакты с «малой родиной». И столь же неуклонно город разрушает подобные связи, размывает сельское единение. Родственные связи членов элиты дополняются или заменяются клиентами, которые формируются по принципу личной преданности и могут носить вполне интернациональный характер. Профессиональные сообщества становятся все более гетерогенными (например, знаменитая в Дагестане «лакская»

³⁶ Интигринова Т. Жизненные стратегии студенчества Северо-Кавказского региона: По результатам опроса студентов Дагестанского государственного и Кабардино-Балкарского государственного университетов, проведенных Т. Интигриновой и Н. Мироновой. Неопубликованный Итоговый аналитический отчет о проведении исследования по теме «Особенности формирования жизненных стратегий населения Северо-Кавказского федерального округа». РАНХиГС, 2011. С. 68–69.

³⁷ Вот как описывает эту ситуацию наш собеседник (ногаец) в рыболовецком поселке – пригороде Махачкалы: «Их мать дала им высшее образование, но работать-то негде, и все равно они идут в море работать. И зачем эти высшие образования, им здесь не нужны. Весь поселок молодежи с высшими образованиями в руках, но они там, где-то в сундуках, пылятся, эти дипломы. <...> Очень много образованных людей, и все уезжают, потому что здесь ничего нету. Реализовать не могут себя». А это диалог уже с представителями горного района (аварцами): «– Он [сын нашего собеседника] в месяц один-два дня, на субботу-воскресенье, сюда приезжает. И там на стройке работает. Что с образованием, что без образования... – С дипломом на черновых работах приходится работать. – Скажите, ребята с высшим образованием работают на черновых работах? – Да. – Вот смотри. Я здесь газ провожу, разводку делаю. У меня там работают трое с высшим образованием. Красят, делают земляные работы – вот чем они занимаются. – А когда ребята идут учиться в вузы, они понимают, что им потом придется работать на черновых работах? – Они надеются».

³⁸ Тухум – род, объединенный связями по мужской линии. От других родовых структур дагестанские тухумы отличаются тем, что не выходят за границы отдельных сообществ.

обувь постепенно перестает быть лакской). Семейно-брачные связи выходят не только за рамки отдельных сел, но и отдельных этносов (хотя редко носят межконфессиональный характер). Все более популярно празднование свадеб не в родном селе, в соответствии с местными обычаями, а в Махачкале. При этом тенденции к сохранению сельской замкнутости в городе и к ее размыванию имеют различный результат применительно к разным сообществам и этническим группам.

Размывание традиционных связей может иметь своим итогом широко известный и достаточно опасный и для личности, и для социума «синдром городских мигрантов первого поколения», когда человек отрывается от традиционных социальных корней, не встроившись при этом в городскую культуру. Социальные проблемы, связанные с синдромом городских мигрантов первого поколения, хорошо изучены на примере различных стран. Так, характеризуя урбанизацию в СССР, А. Вишневский пишет: «Переселение крестьянина в город – классический пример маргинализации человека, источник множества синдромов социальной дезадаптации. <...> Маргинализировались целые поколения, десятки миллионов людей. С одной стороны, это не могло не привести к очень быстрому разрушению социокультурных стереотипов, выработавшихся столетиями, к их забвению. Утрачивалась социальная память, а значит и та почва, на которой естественным образом вырастает многообразие индивидуальных культурных образцов, передаваемых от родителей к детям, от старших к младшим. С другой же стороны, требование городской жизни – индивидуализация личности – плохо воспринималось поколениями, воспитанными на сельских принципах следования групповым стереотипам. Весь процесс социального наследования оказался дезорганизованным, общество – дезориентированным»³⁹.

Столь серьезный социальный сдвиг связан с тем, что сельское и городское общество построены на совершенно разных механизмах общественного контроля: «Новая подвижность богатства и новое разнообразие его форм означает и новую подвижность человека. Рыночная экономика позволяет разорвать прямые межличностные связи и заменить их связями опосредованными. Производитель и потребитель, которые прежде, как правило, лично знали друг друга, теперь могут никогда не встретиться – рынок и деньги свяжут их между собой. Это делает жизнь в городском сообществе анонимной, внешний надзор за каждым – невозможным. Теряют смысл прежние социальные регуляторы человеческого поведения, уходят в прошлое личная зависимость, „матрешечные“ средневековые социальные структуры, непосредственная цензура крестьянской общины или городского цеха, замысловатая иерархия статусов, сословные перегородки»⁴⁰.

Проблема кризиса социального регулирования, связанного с неэффективностью традиционных внешних регуляторов и отсутствием порождаемых городской средой внутренних регуляторов у мигрантов первого поколения в северокавказских городах, затрагивалась нами в работе «Северный Кавказ: модернизационный вызов». Эта проблема, к примеру, в глазах коренного жителя Махачкалы выглядит следующим образом: «Вот в селении, если ты вдруг что-то плохое сделаешь, любой старший может по башке дать. Это нормально. И неважно, родственник или нет. Когда он [мигрант] приезжает в город, по башке уже никто не дает. Его не научили культуре, почему нельзя, например, девочку обижать. Не объяснили, почему нельзя девочку обижать, а просто по башке давали. А здесь он видит, что по башке никто не дает. Значит, можно обидеть девочку»⁴¹. Подобный вакуум социального регулирования предопределяет повышенный конфликтный потенциал, связанный с жизнедеятельностью данного слоя. Как показывает международный опыт, именно городские мигранты первого поколения часто

³⁹ Вишневский А. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 109.

⁴⁰ Вишневский А. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 23.

⁴¹ Северный Кавказ: модернизационный вызов. С. 248–249.

становятся базой для радикальных, экстремистских течений, рассматривающих насилие как основной механизм разрешения общественных проблем.

Особый класс конфликтов порождается процессом формирования агломераций. Земли вокруг крупных городов приобретают особую ценность. В условиях неурегулированности вопросов земельной собственности, пересекающихся прав на землю, активного притока мигрантов здесь возникает целый комплекс противоречий с серьезным потенциалом их насильственного разрешения. Городские власти пытаются установить свой формальный и фактический контроль над этими землями, что также не обходится без конфликтов. Проживающие в пригородах сообщества теряют легитимные формы представительства в рамках местного самоуправления и вынуждены отстаивать свои интересы насильственным путем⁴².

Таким образом, в условиях активной урбанизации в северокавказских городах можно обнаружить по меньшей мере четыре долговременных фактора, формирующих конфликтный потенциал:

- 1) пересечение интересов власти и сообществ, старожилов и «пришлых» в борьбе за ресурсы в рамках агломерации, что во многом аналогично предпосылкам конфликтов, связанных с миграцией горцев на равнину, причем высокая стоимость подобных ресурсов делает конфликт еще более ожесточенным;
- 2) синдром мигрантов первого поколения;
- 3) ограничение вертикальных лифтов в соответствии со способностями и квалификацией в условиях системы продвижения, не связанной с личными заслугами (заметим, что лозунгом большинства социальных революций было открытие карьер талантам);
- 4) несоответствие социальных ожиданий выпускников вузов реальному уровню знаний и квалификации.

Есть ли шанс, что проблема, как и в случае с естественным приростом населения, в обозримом периоде времени рассосется сама и конфликтный потенциал постепенно сойдет на нет? Завершение демографического перехода в сельской местности будет способствовать движению в данном направлении. В то же время на настоящий момент существуют серьезные контртенденции, которые не позволяют делать однозначные выводы в данном вопросе. К ним можно отнести:

- неисчерпанность урбанизации, продолжающийся приток сельских мигрантов в город, стимулируемый в том числе и практически всеобщим стремлением к получению высшего образования;
- низкий спрос на квалифицированную рабочую силу, связанный с процессами разрушения экономики городов и малочисленности в них «точек роста», что поддерживает возможности сохранения традиционных механизмов «вертикальных лифтов»;
- отрицательный отбор, связанный с отъездом наиболее инициативных и квалифицированных горожан за пределы Северо-Кавказского региона.

⁴² Приведу характерный диалог представителей двух дагестанских сообществ: «– Мы организовали. Он [назначенный глава местной администрации] через окно из кабинета убежал, когда мы митинг делали. Его поймали, привели. . . Три дня. . . ребята не пускали его на работу.– Хорошо, вы взяли его, выгнали. Джамаат [дагестанское название местного сообщества] – это народ. Но почему вместо него по велению этого джамаата не поставить: мы хотим, чтобы этот был. Пусть сидит он, работает.– До конца не довели мы там».

1.2. Институциональная структура власти и общества: факторы конфликтности

Дисфункция государственных институтов

Пороки северокавказского общества: клановость, коррупция, казнокрадство как причины высокой конфликтности в регионе – одна из любимых тем не только журналистов, но и политиков. Президент РФ Д. А. Медведев так характеризовал значимость данных проблем: «Коррупция является преступлением в любом регионе, не только на Северном Кавказе. Только на Кавказе она приняла абсолютно угрожающий характер, она угрожает, по сути, национальной безопасности, ослабляет государственные, социальные институты. И, к сожалению, по сути, та коррупция, которая существует, является фактом прямого пособничества сепаратистам и убийцам, которые творят свои дела на территории Северо-Кавказского округа. Кроме того, и мне тоже об этом приходилось говорить, коррупция на Кавказе имеет еще одну специфику, отличающую ее от коррупции в России в целом, на других территориях нашей страны. Эта коррупция носит клановый характер, что, естественно, осложняет борьбу с ней»⁴³. Борьба с подобными негативными явлениями часто рассматривается в контексте изменения бюрократической культуры, противодействия злоупотреблениям «плохих» чиновников, усиления контроля за деятельностью управленцев и наказаний за неподобающие действия.

Между тем попытки проведения подобной политики в других странах, характеризующихся аналогичными проблемами, часто не давали ожидаемого эффекта, а иногда приводили и к существенному ухудшению ситуации. Исследователи развивающихся стран, в первую очередь подверженных аналогичным недугам, задались вопросом о причинах подобных провалов. Выяснилось, что корни проблем лежат гораздо глубже недобросовестности чиновников или продажности политиков. Можно выделить несколько актуальных для Северного Кавказа исследований данной проблематики.

В своей работе «Сильные общества и слабые государства»⁴⁴ Джоел Мигдал задался вопросом: почему подавляющее большинство стран, освободившихся от колониальной зависимости либо активного вмешательства западных государств в их жизнь, не смогли создать сильные государства и распространить свой социальный контроль на подавляющее большинство граждан, несмотря на значительный рост государственных расходов и государственного аппарата. Ответ оказался детерминирован структурой государственной власти в этих странах.

Лидеры подобных государств сталкивались с двумя типами проблем, связанных с социальным контролем, – наличием нескольких достаточно автономных «центров власти» (крупных правительственных агентств, обладающих значительным весом и ресурсами) в рамках центрального правительства и также достаточно автономных традиционных социальных структур со своими «вождями» и «правилами игры» на местах. Централизация социального контроля означала бы дальнейшее усиление «центров власти» на верхнем уровне управления, которые бы администрировали ресурсы и усиливали контроль над населением. Тем самым возникала угроза появления альтернативных фигур, достаточно сильных, чтобы бросить вызов первому лицу. В этих условиях лидеры предпочитали мириться с сохранением социального контроля

⁴³ Стенографический отчет о заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. 19 мая 2010 г. <http://kremlin.ru/transcripts/7792/work>.

⁴⁴ Migdal J. S. *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988.

в руках местной элиты, с извращением централизованно проводимой политики исходя из ее интересов, но не плодить себе конкурентов.

Приоритеты сохранения власти также предопределяли расстановку на ключевые посты фигур с учетом возможностей доверия и подконтрольности (в том числе на основе родственных связей), а не на основе личных качеств и квалификации. Характеризуя политику назначения на высокие посты, Д. Мигдал отмечает, что задачей лидеров «было не просто создание бюрократии или военных структур, где было бы обеспечено представительство и пропорция различных этнических групп в государственных агентствах отражала бы пропорцию во всем обществе. Их задача не сводилась и к усилению государственной власти путем следования формальным организационным принципам в расширении проникновения государства [в общественные структуры]. Распределение постов, скорее, отражало лояльность определенных групп, угрозу со стороны других групп и важность отдельных государственных агентств. Лидеры государств направляли наиболее лояльные элементы, часто принадлежащие к тем же племенным или этническим группам, что и сам лидер, в такие организации, как вооруженные силы, потенциально несущие максимальную угрозу для государственных лидеров и осуществляющие наибольший контроль в обществе»⁴⁵.

Кроме того, для подобных режимов характерна регулярная ротация кадров на верхнем уровне управления, чтобы препятствовать установлению длительных и потенциально опасных для правителя связей внутри и между агентствами. Это неизбежно вносит сумятицу в проведение преобразований, дестимулирует непосредственных исполнителей центральной политики на местах и способствует их неформальным связям с местными элитами. Таким образом, фрагментация социального контроля на местах оказывается напрямую связанной с отсутствием консолидации власти в центре, а именно с наличием автономных центров власти, как в рамках государства, так и вне его (в среде крупного бизнеса).

Еще более глобальная модель государства была предложена известными американскими институционалистами Д. Нортон, Д. Уоллисом и Б. Вайнгатом в работе «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества»⁴⁶. По нашему мнению, все государства в мире можно разделить на естественные государства или порядки ограниченного доступа, и порядки открытого доступа, причем и в истории, и в современности доминируют порядки ограниченного доступа.

Отличительной характеристикой порядков ограниченного доступа является отсутствие у государства монополии на насилие, потенциал которого распределен между различными элитными группами. Тем самым задача государства – предотвратить фактическое применение насилия, дав этим элитным группам в качестве стимула доступ к ренте, носящей монопольный характер. Рента порождается за счет ограничения экономической и политической конкуренции, именно поэтому данный социальный порядок характеризуется как порядок ограниченного доступа. За предотвращение насилия естественные государства платят свою цену. По словам авторов, модель естественного государства характеризуется медленно растущими экономиками, чувствительными к потрясениям, и политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан. Кроме того, в ее рамках господствуют взаимоотношения, организованные с помощью личных связей, законы применяются не ко всем одинаково, права собственности не защищены⁴⁷. Но эта плата рассматривается как неизбежность. «Систематическое создание ренты с помощью ограниченного доступа в естественном государстве –

⁴⁵ Migdal J. S. *Strong Societies and Weak States*, p. 222.

⁴⁶ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгат Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

⁴⁷ Migdal J. S. *Strong Societies and Weak States*, p. 54.

это не просто средство набить карманы членов господствующей коалиции; это также важнейшее средство контроля насилия»⁴⁸.

Норт и его коллеги выделяют несколько форм естественного государства. В хрупких естественных государствах дисперсия насилия среди элитных групп чрезвычайно высока, коалиция элит для распределения ренты весьма неустойчива, и неконтролируемые государством проявления насилия достаточно регулярны. Базисные естественные государства стабильнее, соглашения между элитными группами носят более долговременный характер. В то же время, в отличие от хрупких естественных государств, где отношения между элитными группировками максимально персонифицированы, базисные государства уже готовы частично институционализировать процесс принятия решений, предлагая стандартные выходы из периодически повторяющихся проблем. Однако базисные естественные государства способны обеспечивать относительную устойчивость взаимоотношений элит только в рамках государства. Зрелое естественное государство, способное сформировать предпосылки для перехода к порядкам открытого доступа, характеризуется устойчивыми внутренними институциональными структурами и способностью поддерживать организации элит, не имеющие тесной связи с государством. Здесь впервые появляются достаточно стабильные «правила игры», хотя бы в рамках элиты.

⁴⁸ *Migdal J. S. Strong Societies and Weak States*, p. 62–63.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.